

АННА СЬЮЭЛЛ

ЧЕРНЫЙ КРАСАВЧИК:
ИСТОРИЯ ЛОШАДИ,
РАССКАЗАННАЯ ЕЮ
САМОЮ

Анна Сьюэлл

**Черный Красавчик: история
лошади, рассказанная ею самою**

«Public Domain»

1877

Сьюэлл А.

Черный Красавчик: история лошади, рассказанная ею самою /
А. Сьюэлл — «Public Domain», 1877

«Первое место, которое я помню, – это славный большой луг с чистым, прозрачным прудом. Над прудом стояло несколько тенистых деревьев, а на дальнем конце его росли камыши и кувшинки. За изгородью с одной стороны видно было вспаханное поле, с другой стороны – дом хозяина подле дороги. В одном конце луга была еловая роща, в другом, пониже, протекал ручей, за которым поднимался высокий берег...»

Содержание

Часть первая	5
I. Где я жил, когда был маленький	5
II. Охота	7
III. Мое воспитание	9
IV. Бертвикский парк	11
V. Хорошее начало	13
VI. Свобода	15
VII. Джинджер	16
VIII. Продолжение рассказа Джинджер	18
IX. Резвушка	20
X. Разговор во фруктовом саду	22
XI. Откровенная речь	25
XII. Бурный день	27
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Анна Сьюэлл

Черный Красавчик: история лошади, рассказанная ею самою

Часть первая

I. Где я жил, когда был маленький

Первое место, которое я помню, – это славный большой луг с чистым, прозрачным прудом. Над прудом стояло несколько тенистых деревьев, а на дальнем конце его росли камыши и кувшинки. За изгородью с одной стороны видно было вспаханное поле, с другой стороны – дом хозяина подле дороги. В одном конце луга была еловая роща, в другом, пониже, протекал ручей, за которым поднимался высокий берег.

Пока я был маленьким, мать кормила меня своим молоком, потому что я не мог есть траву. Днем я бегал около нее, а ночью ложился спать близко-близко к ней. Когда было жарко, мы, бывало, стояли в тени деревьев, возле пруда. В холодное время нам было где укрыться – под хорошим навесом подле рощи.

Когда я настолько вырос, что смог есть траву, моя мать стала уходить с утра на работу и возвращалась только к вечеру.

Кроме меня, на нашем лугу паслось еще шестеро жеребят; они были все старше меня; некоторые из них были совсем большие, как взрослые лошади. Мне было очень весело с ними бегать и резвиться; мы, бывало, скакали во всю прыть кругом луга, но иногда, во время игры, мне больно доставалось от моих товарищей, которые на скаку лягали меня и кусали.

Однажды, когда я получил много колотушек, моя мать заржала, зовя меня к себе. Вот что она мне сказала:

– Слушай меня внимательно: здешние жеребята славные и добрые, но все они со временем будут ломовыми лошадьми. От них нельзя ожидать большой нежности в обращении. Ты же породистый и хорошо воспитанный жеребенок; твой отец очень известен в здешних местах, а дедушка взял главный выигрыш на скачках в Ньюмаркете. Твоя бабушка была самая добрая, смиренная лошадь, какую я когда-либо знала, и я никогда не лягала и не кусала никого. Надеюсь, что ты вырастешь такой же и не приобретешь дурных привычек. Смотри, делай свое дело с охотой, хорошенько поднимай ноги, когда бежишь рысью, и никогда не кусайся и не лягайся.

Я всегда помнил совет матери; я знал, что она – мудрая старая лошадь и что хозяин о ней высокого мнения. Ее звали Герцогиней, но хозяин часто называл ее Любимицей.

У нас был очень добрый хозяин. Кормил он нас хорошо и обращался с нами ласково, как со своими маленькими детьми. Мы все его любили, а моя мать была к нему очень привязана. Завидев его подле калитки, она ржала от радости и подходила к нему. Он гладил ее и говорил:

– Ну, как поживаешь, старая Любимица? А что поделывает маленький Черныш?

Меня так прозвали за мою совершенно черную масть. Хозяин, поласкав мою мать, угощал меня вкусным хлебом, а матери приносил морковку. Все лошади подходили к нему, но мы были его любимцами. Моя мать всегда возила его в город по базарным дням в легонькой тележке.

Один из рабочих фермы, молодой парень по имени Дик, приходил иногда в наш загон, чтобы набрать костяники, которой росло много вдоль изгороди. Наевшись вволю, он начинал с нами играть, то есть он называл это игрой: он бросал в жеребят палки и камни, желая посмот-

реть, как они поскачут. Мы не обращали на него большого внимания, потому что могли ускользнуть от него, но случилось, что камень кого-нибудь больно задевал.

Однажды, забавляясь таким образом, он не заметил хозяина, который был на соседнем поле. Хозяин в одну минуту перескочил через изгородь, подбежал к нему и, прежде чем Дик успел оглянуться, так выдрал его за уши, что мальчишка закричал от боли и испуга. Мы все приблизились к хозяину – нам любопытно было увидеть, что будет дальше.

– Дурной мальчишка! – сказал хозяин. – Как тебе не стыдно гонять жеребят? Ты, верно, не раз уже проделывал свои злые шутки с ними. Но это будет последний раз. Возьми деньги и ступай-ка домой. Ты мне больше не нужен.

Итак, мы больше не видали Дика. Старый Даниэль, ходивший за лошадьми на ферме, был такой же добрый человек, как хозяин. Нам очень хорошо жилось.

II. Охота

Мне еще не было двух лет, когда случилось одно происшествие, которого я никогда не забуду. Дело было ранней весной; ночью морозило, а с утра над лугами и рощами стоял легкий туман. Я щипал траву с другими жеребятами. Вдруг мы услышали вдали что-то вроде собачьего воя. Старший из нас, наострив уши, сказал:

– Это охота!

Он тотчас поскакал на другую сторону лужайки, откуда можно было далеко видеть поле; мы, конечно, все побежали за ним. Моя мать и старая верховая лошадь хозяина, стоявшие неподалеку от нас, разговаривали между собой, и видно было, что для них дело это весьма знакомое.

– Они нашли зайца, – сказала моя мать. – Если они его сюда погонят, мы увидим охоту.

Вскоре вся стая собак высыпала на соседнее пшеничное поле. Они бешено бежали, оглашая воздух неистовым криком. Это было что-то ужасное, не похожее на лай, – какой-то непрерывный рев! За ними скакали несколько всадников; некоторые из них были в зеленых сюртуках. Старая верховая лошадь хозяина зафыркала, жадно следя глазами за охотой, и нам, жеребят, хотелось скакать там на просторе. Но вот охота остановилась в следующем поле. Собаки смолкли и забегали в разные стороны.

– Они потеряли заячий след, – заметила старая лошадь. – Может быть, зайцу удастся от них уйти.

– Какому зайцу? – спросил я.

– Не все ли равно какому? – ответила старая лошадь. – Может быть, здешнему какому-нибудь, из нашей рощи. Людям и собакам только бы напасть на зайца, они не отстанут от него.

Действительно, скоро снова поднялся собачий рев; вся стая бросилась назад, по направлению к нашему лугу, в то место, где за ручьем начинался высокий берег.

– Теперь мы увидим зайца, – сказала моя мать.

В эту самую минуту заяц, обезумевший от страха, пробежал мимо, к роще. Собаки мчались за ним как бешеные; они перескочили через ручей, а за ними и охотники. Человек шесть или семь ловко перепрыгнули. Заяц попытался проскочить через изгородь, но она была слишком частая; он бросился опять на дорогу, однако было уже слишком поздно: собаки с диким лаем окружили его. Мы услышали пронзительный крик. Тем и кончилась жизнь зайца. Один из охотников подскочил к стае рассвирепевших псов и отогнал их арапником, а то они разорвали бы зайца на куски. Охотник поднял зайца за заднюю окровавленную ногу, – и все господа казались очень довольными.

Что касается меня, я был до того изумлен всем виденным, что сначала не разобрал того, что случилось подле ручья, но когда я наконец оглянулся в ту сторону, то увидел печальную картину: две красивые лошади упали на скаку – одна барахталась в воде, а другая лежала на траве. Один из ездоков вылезал из ручья, весь покрытый грязью; другой лежал неподвижно.

– Он сломал себе шею, – сказала моя мать.

– И поделом ему! – заметил один из жеребят.

Я подумал то же, но моя мать не согласилась с нами.

– Нет, так не надо говорить, не надо ни о ком говорить дурно! – сказала она. – Странные развлечения у людей! Хотя я, старая лошадь, многое на своем веку видала, но я никогда не могла понять этой забавы, в которой люди находят столько приятного. Они часто сами ушибаются, портят дорогих лошадей и мчатся по полям из-за какого-нибудь зайца, или лисицы, или оленя, которых они могли бы себе достать гораздо легче, без всякой травли. Но, конечно, мы, лошади, этого не можем понимать.

Пока мать рассуждала, мы смотрели на то, что происходило между охотниками. Многие из них окружили неподвижно лежавшего молодого человека. Наш хозяин, который тоже был там, первый нагнулся к нему. Когда он его приподнял, голова и руки молодого человека безжизненно свесились; все лица были очень серьезные. Теперь все было тихо кругом, даже собаки смолкли, почуяв что-то не-доброе. Молодого человека внесли в дом к нашему хозяину. Я услышал потом, что это был Джордж Гордон, единственный сын богатого помещика, статный, красивый юноша, гордость семьи.

Посланы были гонцы за доктором, за ветеринаром и к помещику Гордону известить его о случившемся.

Ветеринар, осмотрев вороную лошадь, лежавшую на траве, покачал головой: у нее была сломана нога. Кто-то сбегал в дом нашего хозяина за ружьем, и вскоре раздался какой-то громкий звук; в ту же минуту мы услышали пронзительный крик. Потом снова наступила тишина. Вороная лошадь лежала без движения. Моя мать казалась сильно взволнованной; она сказала, что давно знала вороного коня, которого звали Роб-Рой. Это был прекрасный, горячий конь, без малейшего порока. (Моя мать потом никогда больше не ходила в ту сторону луга.)

Через несколько дней после того мы услышали колокольный звон, доносившийся от соседней церкви; глядя через забор, мы увидели ехавшую по дороге странную черную карету с лошадьми, покрытыми черными попонами. За ней ехала другая карета, третья, четвертая, и все они были черные, а колокол все звонил. Это везли молодого Гордона на кладбище. Он никогда больше не поедет верхом. Что сделали с Роб-Роем, я не знаю; но знаю, что все это случилось из-за одного маленького зайца.

III. Мое воспитание

Я стал хорошесть; шерсть у меня была тонкая и мягкая, блестящая, черная. Одна нога у меня была белая и на лбу у меня была хорошенькая белая звезда. Все считали меня очень красивым, хозяин не хотел продавать меня до четырех лет; он говорил, что мальчики не могут работать, как взрослые люди, и жеребята не должны идти на работу, пока они не вырастут.

Когда мне минуло четыре года, помещик Гордон приехал к нам покупать меня. Он осмотрел глаза, рот и ноги; меня заставили пройти перед ним рысью и галопом. Кажется, я понравился ему. Он сказал моему хозяину: «Когда его хорошенько вышколят, он будет хорош». Хозяин предложил заняться сам моим воспитанием, так как он не желал отдавать меня чужим людям, которые могли бы меня пугать и бить.

Не всякому известно, что такое воспитание лошади есть то, что принято называть «тренировкой».

Учение наше состоит в том, чтобы привыкнуть к седлу и узде, возить смирно и слушаться воли ездока: мужчины ли, женщины ли, ребенка ли, – все равно. Кроме того, надо научиться носить хомут, шлею, подхвостник и стоять неподвижно, пока седлают. И это еще не всё. Приходится учиться таскать за собой телегу или кабриолет, причем лошадь должна бежать так скоро, как захочет возница. Она никогда не должна пугаться, разговаривать с другими лошадьми и, что еще важнее, не должна кусаться и брыкаться. Одним словом, хорошо воспитанная лошадь не имеет своей воли, а знает только волю хозяина, как бы она ни устала и ни проголодалась. Хуже всего то, что в хомуте нельзя уж попрыгать для своего удовольствия, нельзя лечь отдохнуть. Видите, как трудно лошади пройти всю школу учения!

Я уже давно привык к недоуздку, на котором меня водили гулять тихим шагом в поле и по дорогам; но теперь приходилось испробовать настоящую узду и удила. Сначала хозяин накормил меня овсом, потом, лаская и уговаривая, вдел в рот удила, или мундштук. Какая это была гадость! Кто никогда не имел удил во рту, не может даже представить себе, до чего это неприятно! Представьте себе, что вам в рот положили большой кусок железа, толще пальца мужчины, между зубами, на язык, и притянули это железо ремнями ко лбу, к шее, к носу, к подбородку, так что никак нельзя освободиться от этой гадкой твердой вещи! Ужасно неприятно! Но я видал, что мою мать взнуздывали так же, когда ее запрягали, и то же делали со всеми взрослыми лошадьми. Благодаря вкусному овсу и ласковому обращению моего хозяина я наконец привык к мундштуку.

После этого меня стали приучать к седлу, но это мне показалось гораздо легче. Хозяин сам в первый раз надел на меня седло, пока старый Даниэль придерживал мою голову; лаская и похлопывая меня по спине, хозяин застегнул подпругу, после чего я получил немного овса и меня повели. Так поступали со мной каждый день, и я привык к седлу, всегда ожидая овса при седлании.

Наконец в одно хорошее утро хозяин оседлал меня и поехал по мягкой траве луга. Конечно, сначала мне было неловко, но я гордился тем, что везу на себе хозяина. Он каждый день седлал меня и ездил верхом, так что я скоро привык к этому.

Следующую неприятность я испытал при подковывании копыт; в первый раз мне было очень даже тяжело. Хозяин сам отправился со мной в кузницу, чтобы меня не напугали и не сделали мне больно. Кузнец брал одну за другой мои ноги и обрезал копыта; при этом я не почувствовал никакой боли, почему и стоял смирно на трех ногах, пока все четыре копыта не были подготовлены. Потом кузнец прибил на каждое по закругленному куску железа. Он вбивал гвозди в самую глубину копыта, так что подкова плотно сидела на ноге. Сначала мне показалось очень тяжело и неловко, но со временем я привык и к этому.

По окончании курса верховой езды хозяин попробовал меня в упряжи. На шею мне надели крепкий хомут, уздечку с большими кожаными клапанами – это были наглазники, чтобы я не мог смотреть по сторонам, а только вперед. Эти наглазники и седелка с твердым ремнем были мне вначале не менее противны, чем мундштук. Когда мой хвост подхватывали твердым ремнем, я готов был даже брыкаться, но я не решился этого сделать, чтоб не огорчить доброго хозяина. Итак, по прошествии некоторого времени я привык ходить в упряжке, как раньше научился ходить под седлом.

Припоминаю еще одну предосторожность, принятую хозяином во время моей тренировки, – я навсегда остался благодарен ему за нее. Хозяин послал меня на две недели на одну соседнюю ферму, возле которой проходила железная дорога. Здесь паслось несколько коров и овец, и меня пустили с ними на траву. Я никогда не забуду первого поезда, проехавшего мимо меня. Я тихо пощипывал траву подле решетки, отгораживавшей наш лужок от железной дороги; вдруг я услышал в отдалении странный шум и, прежде чем я успел оглянуться, какое-то длинное чудовище промчалось со страшным грохотом мимо меня, оставляя за собою полосу густого черного дыма! Я поскакал как сумасшедший и остановился только на дальнем конце луга, тяжело дыша и фыркая от страха и удивления. В течение дня проехало еще много поездов; некоторые останавливались на станции, рядом, и издавали тогда резкий свист и рев. Мне все это казалось очень страшным, но коровы продолжали спокойно щипать траву, едва поднимая головы, когда чудовище мчалось мимо них.

Первые дни я не мог успокоиться и плохо ел, но когда я увидел, что ужасная вещь не заезжает в наш луг и не причиняет мне ровно никакого вреда, я стал привыкать и вскоре обращал на поезда так же мало внимания, как коровы и овцы.

С тех пор я нередко видал, как лошади пугаются при виде поездов, но, благодаря моему доброму хозяину, я стою так же бесстрашно около железнодорожных станций, как в собственном стойле.

Вот как следует воспитывать молодую лошадь.

Хозяин часто запрягал меня в дышло с матерью, потому что она была смирная лошадь и могла лучше другой научить меня ходить в дышле. Она мне говорила, что чем лучше я буду служить, тем лучше будут люди со мной обращаться, и что благоразумнее всегда стараться угодить хозяину.

– Но, – говорила она, – бывают разные люди. Есть такие же добрые и заботливые, как наш хозяин; таким хозяевам лошадь может служить с гордостью, но бывают жестокие, дурные люди, которым не следовало бы никогда иметь лошадей или собак. Кроме таких злых хозяев, встречаются и просто глупые, самоуверенные и невежественные люди, которые не дают себе труда ни о чем подумать. Подобные хозяева портят лошадей от глупости; не то чтобы они хотели принести вред, но они не умеют обращаться с лошадьми. Надеюсь, что ты попадешь в хорошие руки, но лошадь никогда не знает, кто ее купит, кто будет управлять ею. Повторяю тебе: где бы ты ни был, старайся вести себя как можно лучше, поддерживай везде свое доброе имя.

IV. Бертвикский парк

Перед отправкой на новое место меня ежедневно чистили и убирали в стойле, где я стоял теперь. Моя шерсть стала блестеть, как крыло грача. В начале мая пришел за мной человек от помещика Гордона. Хозяин сказал:

– Прощай, Черныш! Будь хорошей лошадей, старайся всегда.

Я не мог сказать ему что-нибудь на прощание, но зато сунул нос в его руку; он ласково потрепал меня, и я покинул свое родное гнездо.

Так как я провел несколько лет у помещика Гордона, опишу его поместье.

Парк его начинался на краю деревни Бертвик. В него въезжали через большие железные ворота, у которых находилась первая сторожка. Мягкая, укатанная дорога между двух рядов больших старых деревьев вела ко второй сторожке и вторым воротам, за которыми начинались сады и дорога к самому дому. За домом был огороженный выгон для домашних животных, старый фруктовый сад и конюшни.

В конюшнях и в сараях было много лошадей и экипажей, но я опишу только ту конюшню, куда привели меня. Она была очень просторная, с четырьмя большими стойлами. В этой конюшне было большое подъемное окно, выходившее на двор, так что у нас было светло и много воздуха.

Первое, самое большое стойло запиралось сзади деревянной дверью, остальные три стойла были обыкновенные, хорошие, но не такие большие. В каждом были устроены решетки, куда лошадям задают сено, и ясли для овса. Большое стойло было, что называется, свободное стойло, то есть лошадей не привязывали в нем, а оставляли на свободе. Очень приятно иметь свободное стойло.

Конюх, который меня привел, поставил меня в большое прекрасное стойло. Тут было очень чисто и воздух самый легкий. Я никогда еще не бывал в таком превосходном помещении. Боковые стены были невысокие, так что я мог видеть в решетку все, что делалось в соседних стойлах.

Конюх дал мне овса, ласково поговорил со мной и потрепал, после чего он ушел.

Хорошенько поев, я огляделся кругом. В ближайшем от меня стойле я увидел небольшую кругленькую лошадку, серую в яблоках, с густой гривой и густым хвостом, с очень хорошенькой головкой и лукаво вздернутым носом.

Я просунул немного морду между прутьями решетки и сказал:

– Здравствуйте! Как вас зовут?

Лошадка повернула голову, насколько позволил недоуздок, и отвечала:

– Меня зовут Резвушка. Я очень красива и вожу в седле молодых барышень, а иногда катаю в низеньком кабриолете саму хозяйку. Они все очень любят меня, и Джемс тоже любит меня. Это вы будете теперь моим соседом?

Я сказал, что да.

– Ну, так я надеюсь, – продолжала моя серая соседка, – что у вас хороший нрав. Я не люблю таких соседей, которые кусаются.

В эту минуту из дальнего стойла выглянула голова лошади. Лошадь прижала уши и сердито посматривала. Это была высокая гнедая кобыла с красивой длинной шеей. Взглянув на меня, она сказала:

– Так вот кто меня выселил из моего стойла! Странно, что даму побеспокоили из-за какого-то жеребенка!

– Извините, – сказал я, – я никого не выселял. Человек, который за мной приходил, поставил меня сюда. Меня никто не спрашивал. Что же касается того, что вы называли меня

жеребенком, то должен вам заметить, что мне уже четыре года. Я никогда ни с кем не ссорился и желаю жить со всеми в мире.

– Ну хорошо, посмотрим! – заметила сердитая лошадь. – Конечно, и я вовсе не желаю браниться с таким юнцом, как вы.

Я больше ничего не сказал.

– Дело вот в чем, – сказала Резвушка. – Джинджер (так зовут гнедую кобылу) имеет дурную привычку кусаться.

Когда она стояла в свободном стойле, она часто кусалась. Однажды она укусила Джемса в руку так, что кровь пошла. С тех пор барышни, которые очень меня любят, боятся сюда входить. Они, бывало, приносили мне разные вкусные вещи: яблоки, морковку, хлеб; мне очень жаль, что они больше не приходят. Может быть, если вы не кусаетесь, они теперь станут опять ходить сюда.

Я сказал, что никогда ничего не беру в рот, кроме овса, сена или травы, и не понимаю, какое может быть удовольствие кусать кого-нибудь.

– Я думаю, что Джинджер кусается не ради удовольствия, – сказала Резвушка. – Это просто дурная привычка. Если правда всё, что она мне рассказывала, я не удивляюсь тому, что она стала кусаться. С ней люди очень дурно обращались, прежде чем она попала на это место. Джон, наш главный кучер, старается ей во всем угодить и Джемс тоже; хозяин никогда без нужды не тронет лошадь кнутом. Здесь Джинджер, по правде сказать, не на что злиться. Мне уже двенадцать лет, и я кое-что видала на своем веку, – прибавила Резвушка с очень серьезным выражением. – Я вам скажу, сосед, что лучшего места, чем здешнее, не найдешь. Кучер служит уже четырнадцать лет, а конюх Джемс добрейший малый. Нет, Джинджер сама виновата, что не осталась в большом стойле.

V. Хорошее начало

Нашего кучера звали Джон Манли; у него была жена и маленький ребенок; они все жили в кучерской избе, подле конюшен. На другое утро он вывел меня во двор и хорошо вычистил, так что шерсть моя сделалась мягкая и блестящая, и, когда хозяин вошел потом в мое стойло, он остался мною очень доволен.

– Джон, – сказал он кучеру, – я хотел сам попробовать новую лошадь после завтрака, но у меня есть другое дело. Поезжай-ка с ней сам по большому лугу до Хейвуда и назад мимо водяной мельницы и вдоль реки. Так ты испробуешь ее ход.

– Слушаю, сударь, – отвечал Джон.

После завтрака он примерил мне узду; он заботливо несколько раз перестегивал ремни, чтобы голове было удобно; потом он принес седло, но оно оказалось узким, и он пошел тотчас за другим. Когда меня удобно оседлали, Джон сел и поехал, сначала тихо, потом рысью, а на лугу он чуть-чуть тронул меня хлыстом, и мы поскакали чудным галопом.

– Ого, дружище! – сказал Джон, остановив меня. – Ты, я вижу, не прочь поскакать с собаками на охоте.

Возвращаясь домой парком, мы встретили господина и госпожу Гордон; Джон соскочил с меня и подошел со мной к господам.

– Ну что, Джон? – спросил помещик. – Какова наша новая покупка?

– Конь чудесный, сударь, – отвечал Джон, – скачет легко, как олень, и горяч; им можно править самой легкой рукой. На том конце луга нам попался воз, нагруженный корзинами, циночками и всяким кустарным товаром; большая часть лошадей пугаются таких возов, но наш осмотрел его внимательно и прошел спокойно дальше. Под Хейвудом охотники стреляли кроликов, но и выстрелов он не испугался, хотя один раздался очень близко от нас; только уши насторожил и встал. Я держал узду и не торопил его; по всему видно, что конь не напуганный и не выдававший с малолетства дурного обращения.

– Это хорошо, – сказал помещик. – Завтра я сам попробую на нем проехаться.

На другой день, когда меня подвели к хозяину, я припомнил советы матери и моего доброго хозяина: я старался делать все, чего желал от меня ездок. Я скоро понял, что имею дело с хорошим наездником и заботливым человеком. Вернувшись с прогулки, я увидел госпожу.

– Что же, мой друг, – спросила она мужа, когда мы подъехали, – нравится тебе лошадь?

– Джон сказал правду, – отвечал господин, – я не желаю себе лучшей верховой лошади. Как же мы назовем его?

– Хочешь, назовем его Грачом, как звали старую лошадь твоего дяди? – предложила госпожа.

– Нет, этот конь гораздо красивее, чем Грач был в лучшие годы.

– Правда, – сказала госпожа, – лошадь эта очень красива, и какая у нее славная, добрая морда с умными глазами! Не назвать ли нам его Черный Красавчик?

– Отлично! Самое подходящее имя. Так и назовем его.

Когда Джон привел меня в конюшню, я слышал, как он говорил конюху, что мне дали, по счастью, простую, понятную кличку, не то что иных лошадей называют странными, ничего не значащими именами, вроде Абдаллы или Пегаса. Они оба смеялись. Потом конюх Джемс сказал:

– Не хочется старого поминать, а то можно было бы его назвать Роб-Рой. Такого сходства, как у него с Роб-Роем, я в жизни не видал.

– Неудивительно, – сказал Джон. – Разве ты не слышал, что у них одна мать, та кобыла фермера Грея, Герцогиня?

Я никогда не слышал этого раньше. Итак, бедный Роб-Рой, убитый тогда на охоте, приходился мне родным братом! Теперь я хорошо понял огорчение моей матери. Лошади, которых продают в чужие руки, не могут знать своей родни, и если б не случайный разговор, я бы не узнал про Роб-Роя, что он был мой брат.

Джон очень полюбил меня; он расчесывал мне гриву и хвост до того, что они становились мягкие, как женские волосы. Он подолгу разговаривал со мной, и хотя я не понимал всех его слов, но научился отлично понимать всё, что он хочет сказать. Я тоже скоро привязался к доброму, ласковому кучеру; он как будто знал все лошадиные чувства и, чистя меня, осторожно обращался с нежными, чувствительными местами. Расчесывая челку, он берег мои глаза, как свои собственные.

Джемс Гауард, конюх, был тоже очень обходительный малый, а другой конюх меня не касался, он ходил за Джинджер. Итак, мне жилось очень хорошо.

Через несколько дней меня заложили с Джинджер в карету. Я побаивался, как мы с ней поладим, но Джинджер только сначала прижала уши, а потом вела себя хорошо. Она не ленилась, везла изо всех сил, а на подъемах не только не убавляла ходу, но налегала крепче на хомут и бодро шла в гору. У нас у обоих было одинаковое рвение к работе, так что кучеру приходилось чаще сдерживать нас, чем погонять. Кроме того, у Джинджер и у меня был очень ровный ход, так что у нас выходила дружная рысь, чем господин и Джон были очень довольны. После двух-трех поездок в дышле мы с Джинджер очень подружились, и мне стало еще веселее жить. С хорошенькой лошадкой Резвушкой я еще раньше совсем сошелся; она была добрая, ласковая лошадь, всеобщая любимица. Особенно ее любили барышни, Джесси и Флора, которые катались на ней во фруктовом саду и играли с ней и со своей собачкой Прыгуньей.

У нашего господина стояли еще два коня в другой конюшне. Один из них, саврасый, ходил под седлом и возил тяжести, его называли Судьей, а другой, Сэр Оливер, был старый охотничий гнедой. Он жил на отдыхе, его очень любил наш господин и позволял ему гулять в парке. Только изредка он возил легкие клади по имению или одну из барышень, когда они ездили верхом с отцом. Этой лошади, как и Резвушке, можно было доверить даже маленькое дитя. Саврасый был сильный, здоровый конь, и мы с ним иногда болтали на выгоне, но, конечно, я не был с ним так близок, как с Джинджер, с которой жил в одной конюшне.

VI. Свобода

Я чувствовал себя счастливым на новом месте, но все-таки иногда мне чего-то не доставало. Все были со мной добры, стойло мое было прекрасное, просторное и светлое, еды вдоволь – чего же мне было еще надо? Свободы! В продолжение трех с половиной лет я жил в полной свободе; теперь же неделя за неделей, месяц за месяцем, – а кто знает, может быть, так пройдут года, – я должен был стоять в стойле или выходить из него для того, чтобы исполнять желания других; нужно было вести себя тихо и серьезно, как какая-нибудь старая лошадь, проработавшая двадцать лет. Тут ремни, там ремни, наглазники, удила! Я не жалею, но для молодой лошади, полной живости и силы, привыкшей к жизни на просторе, где можно, подняв голову, скакать во всю прыть, кружиться по лугу и пофыркать с товарищами, – признаюсь, жизнь в неволе трудна и подчас тяжела. Хотелось бы иногда на волю и мне.

Случалось в таком настроении помучить Джона, когда он выводил меня на прогулку. Я задавал таких прыжков, что ему нелегко было удержать меня, но он ни разу не выходил из терпения.

– Ну, ну, молодец, – говорил он, – постой, придет еще время, наскачешься, прыть-то свою израсходуешь!..

Бывало, выедем из села, он и пустит меня скакать несколько миль; домой, однако, я возвращался всегда свежим, сколько бы ни скакал, только переставал горячиться без толку. Часто люди говорят про лошадь, что она норовиста, тогда как она просто резвится от молодой удалы, оттого, что мало ей дела и движения. Джон хорошо это знал и умел унять меня одним голосом или легким движением узды. Я его слушался, потому что любил его.

Иногда и нам случалось поиграть на свободе. В хорошую погоду по воскресным дням, так как никто никуда не ездил, нас выпускали на выгон или во фруктовый сад. Тут было чудесно. Трава густая, мягкая, воздух душистый. Мы делали все, что вздумается: скакали, ложились на траву, катались по ней и щипали ее с удовольствием. В это время удавалось и вдоволь поболтать между собою, стоя вместе под тенью большого каштанового дерева.

VII. Джинджер

Случилось мне стоять в тени с Джинджер, и между нами зашла длинная беседа. Джинджер спрашивала меня про мое детство и воспитание. Услышав все, что я рассказывал, она заметила:

– Если б меня воспитали так, то, может быть, и у меня был бы такой же добрый нрав, как у тебя, но теперь вряд ли я могу исправиться.

– Почему же нет? – спросил я.

– Потому что с тех пор, как я помню себя, я не встречала ни человека, ни лошадь, которые были бы ласковы со мной. Начать с того, что маленьким жеребенком меня отняли у матери и заперли с несколькими другими жеребятками. Им не было никакого дела до меня и мне до них. Доброго хозяина, как твой первый хозяин, у меня не было, говорить со мной ласково, приносить вкусные вещи было некому. Я не могу сказать, чтобы конюх, смотревший за нами, был груб или жесток, нет, но он думал только о том, чтобы мы были сыты и укрыты от непогоды зимой. Через наше поле проходила тропинка, по которой нередко бегали мальчишки; им доставляло удовольствие бросать в нас камнями, чтобы заставить скакать. Со мной ни разу не случилось, чтобы камень в меня попал, но одному жеребенку сильно поранило морду, так что, я думаю, у него останется шрам на всю жизнь. Конечно, мы не обращали большого внимания на мальчишек, но их преследования делали нас еще более необузданными, и все мы скоро решили, что мальчишки – наши злые враги. Вообще же нам жилось недурно на нашем выгоне: весело было гоняться друг за другом, потом смирно стоять в тени деревьев.

Но когда пришло время учения, я испытала много тяжелого. Во-первых, несколько человек ловили меня; когда же меня наконец окружили и взяли в одном конце луга, то один человек схватил меня за челку, другой – за нос и так крепко зажал, что я насилу могла дышать; еще третий взял меня грубой рукой за нижнюю челюсть, силой разинул рот и всунул между зубами железную палку с уздой. После этого меня повели, дергая за узду, причем один из людей все время бил меня по спине. Вот мой первый опыт в области людской доброты.

Надо сказать, что мои мучители не давали мне вовсе понять, чего им от меня нужно. Я не спорю, что нравом я была очень горячая лошадь и, верно, причинила немало забот и хлопот моим воспитателям, но согласись, что стоять день за днем в тесном стойле – большое мучение, и мне очень хотелось вырваться на свободу. У тебя был добрый, ласковый хозяин, и все-таки тебе нужно было привыкать к несвободной жизни. Мой старый хозяин, господин Райдф, был очень добрый, и он, верно, сумел бы со мной сладить, но он уже давно бросил личный уход за лошадьми, передав это дело своему сыну. Молодой хозяин, сильный, высокий мужчина, которого звали Самсоном, хвастал, бывало, тем, что не было на свете лошади, которая могла бы его сбросить. Он не походил на своего отца. Взгляд, голос, рука – все у него было суровое, тяжелое. Я сразу почувствовала, что ему одного надо от меня: полного смирения и послушания. Разве я была из породы смиренных лошадей?

Джинджер затопала и фыркнула, как будто одно воспоминание о Самсоне возбуждало ее гнев.

– Если я, бывало, чем-нибудь ему не угожу, – продолжала она, – он станет меня без конца гонять на корде¹, пока я не утомлюсь совершенно. Мне кажется, он выпивал, и я заметила, что всякий раз, когда это с ним случалось, мне приходилось особенно плохо. Помню, как-то раз, после такого мучительного испытания, я лежала в стойле и горько размышляла о своей судьбе. На следующее утро он опять долго гонял меня. Не успела я и часу отдохнуть, как он явился с седлом и новой уздой с мундштуком. Не знаю, как это случилось, верно, я что-нибудь сделала

---

¹ Корда – длинная веревка.

не по его желанию; он страшно рассердился и сильно дернул мундштук. От боли я рассвирепела и вдруг брыкнула задними ногами. Это еще более рассердило его, и он принялся хлестать меня. Я вся вспыхнула и стала бить ногами, метаться в стороны и становиться на дыбы, чего еще никогда со мной не бывало. Между нами завязалась настоящая борьба. Он долго держался в седле, вонзая мне шпоры в бока и жестоко хлеща; но мне было все равно. Я, что называется, закусил удила и хотела добиться одного – сбросить ездока со спины. Наконец, после отчаянной борьбы, мне это удалось, – он упал назад, на землю, а я без оглядки бешено ускакала на другой конец поля. Там я обернулась и увидела, как мой мучитель медленно поднялся и пошел к конюшне. Я стояла под дубом и ждала, что будет, но никто не шел за мной.

Прошло много времени. Солнце сильно припекало; слепни садились на те места, где кровь сочилась из ран; голод мучил меня, так как я с утра ничего не ела, а травы было так мало, что не хватило бы накормить гуся. Мне хотелось лечь, но седло мешало, и, к довершению всего, нигде не было видно ни капли воды, чтобы утолить жажду. Солнце склонилось; я увидела, что других жеребят повели в конюшню; я знала, что им зададут там вкусного корма. Наконец, когда солнце уже село, старый хозяин показался на выгоне; он шел с решетом в руках. Это был статный старик с совершенно белыми волосами и таким приятным мягким голосом, который я узнала бы среди тысячи голосов. Он никогда не кричал; но когда он что-нибудь приказывал, то говорил так твердо и решительно, что и люди, и лошади слушались его. Он подошел ко мне и высыпал овес из решета передо мной, ласково приговаривая все время: «Ну ну, красавица, поди сюда!» Я смиренно стояла перед ним; при звуке его голоса все мое волнение прошло, я успокоилась и стала есть овес. Он гладил меня и, увидав кровавые раны на боках, остался очень недоволен.

– Бедная лошадь, – сказал он, – скверно тебе нынче пришлось, нечего сказать.

Потом он спокойно повел меня за узду к конюшне. У дверей стоял Самсон. Я прижала уши и фыркнула.

– Посторонись-ка, – сказал старый хозяин, – не стой на дороге у этой лошади. Хороших ты наделал дел сегодня.

Самсон проворчал что-то, из чего я разобрала: «Животное с норовом».

– Послушай, – сказал его отец, – человеку с дурным нравом невозможно воспитать капризную лошадь. Ты еще не годишься для нашего дела, Самсон.

Он ввел меня с этими словами в мое стойло, снял седло и осторожно вынул мундштук из пораненного рта. Потом он сам привязал меня и велел конюху принести ведро с теплой водой и губку. Он нежно промыл раны на моих изборожденных боках; я чувствовала, что он понимает, как мне больно, и послушно стояла, слушая его ласковый голос. Я не могла есть сено, оно кололо рот; тогда хозяин велел приготовить мне похлебку из отрубей и муки. Это было очень вкусно и как будто смягчало разодранную кожу в углах рта. Старый хозяин стоял все время подле меня, пока я ела, и говорил с конюхом, глядя меня: «Если такую породистую лошадь не учить лаской, то она никогда ничему не научится».

После этого дня он часто навещал меня. Когда рот мой зажил, он поручил меня другому тренеру. Тренер этот, Джон, был человек заботливый, с ровным характером, и я скоро поняла, чего он от меня требовал.

VIII. Продолжение рассказа Джинджер

Когда мы опять сошлись с Джинджер на выгоне, она рассказала мне, каково ей жилось на первом месте.

– Когда меня вполне обучили, – сказала она, – меня купил один торговец лошадьми, которому нужна была лошадь под пару другой, гнедой. Мы ходили с ней в дышле несколько недель, после чего нас продали одному богатому господину в Лондоне. У купца меня приучили к двойному мундштуку, который я ненавидела. На моем новом месте запрягали еще строже. Сам хозяин и кучер думали, что нарядный вид лошади достигается строгой уздой, заставляющей ее держать голову высоко. Мы часто выезжали в парк на модное гуляние. Ты не можешь себе представить, какое это бывало мучение.

Я люблю вскидывать голову высоко, но когда твою голову насильно вздергивают уздой, ты не можешь никак опустить ее, шея от этого очень болит и, наконец, не знаешь, куда деться от боли. Ведь строгая узда состоит из двух мундштуков, то есть в рот лошади засовывают два куска железа. К тому же мой мундштук был такой острый, что раздирал мне язык до крови, и кровь смешивалась с пеной, наполнявшей рот, оттого что я нетерпеливо грызла удила.

Хуже всего было, когда нам приходилось часами ожидать у подъезда нашу хозяйку, танцевавшую на балу. Если я не стояла смирно, то получала удары кнута. Просто можно было с ума сойти.

– Неужели твой хозяин вовсе не думал о вас? – спросил я.

– Нет, он только заботился о том, чтобы его экипаж был самый модный. Он мало понимал толк в лошадях, предоставляя кучеру все заботы по конюшне, а кучер жаловался на меня, говоря, что я лошадь с норовом, что меня не приучили к строгой узде, но что я скоро должна буду привыкнуть. Конечно, не такому кучеру можно было надеяться приучить лошадь к чему-нибудь. Бывало, стоишь в стойле, несчастная, озлобленная, а он войдет и только бранится или ударит. Если б он был добр, я бы, кажется, постаралась привыкнуть к двойному мундштуку. Я готова была работать сколько угодно, но необходимость переносить ненужное мучение из-за капризов выводила меня из всякого терпения. Какое право имели они так мучить меня? Кроме боли во рту и в шее, мое дыхание затруднялось двойным мундштуком; если б я долго пробыла на том месте, я уверена, что нажила бы чахотку.

Я становилась все раздражительнее. Что было делать? Скоро стало нельзя подойти ко мне, потому что я лягалась и кусалась. Меня стали бить, и кончилось тем, что однажды, когда нас с большим трудом впрягли в карету, я так стала брыкаться и биться, что мне удалось оборвать ремни и освободиться от дышла. После этого меня не стали больше держать на этом месте и продали в манеж. Конечно, нельзя было выдать меня покупателям за лошадь без всяких пороков. Об этом просто умалчивали. Красота и хороший бег скоро, однако, привлекли ко мне внимание какого-то господина, оказавшегося тоже торговцем лошадьми. Он пробовал меня на разных уздах и скоро понял, чего я не вынесу и что можно со мной сделать. Он стал ездить на мне совсем без мундштука, а потом продал как вполне смирную лошадь одному деревенскому сквайру.

Новый мой хозяин оказался славным, добрым человеком, но старый конюх ушел от него и на место его поступил новый с дурным характером и железной рукой. Говорил он грубо и часто давал мне пинки в живот шваброй или вилами, чем попало, что было в руках. Я скоро возненавидела его. Ему хотелось запугать меня, но не удалось: я была не способна трусить. Однажды, когда он более обыкновенного рассердил меня, я укусила его. Это привело его в ярость, и он стал бить меня хлыстом по морде, не разбирая ничего. После этого случая он не смел входить в мое стойло, зная, что ему достанется от моих зубов или от копыт. С хозяином я вела себя смирно и хорошо, но он послушался жалобы своего конюха и меня опять продали.

Я попала к прежнему купцу, который сказал, что у него есть на примете подходящее для меня место.

– Жалко, – говорил он, – если такая хорошая лошадь пропадет ни за что.

Вот каким образом я попала сюда, незадолго до тебя. Но я убедилась, что все люди мои враги и что мне надо защищать свою шкуру. Конечно, здесь совсем не то, что я прежде видала, но кто знает, долго ли это продлится. Я хотела бы смотреть на жизнь твоими глазами, но не могу после всего пережитого.

– Мне кажется, что тебе будет стыдно укусить или лягнуть доброго Джона или Джемса, – сказал я.

– Я и не собираюсь этого делать, – отвечала Джинджер, – пока они поступают хорошо со мной. Я раз куснула-таки пребольно Джемса, но Джон сказал ему: «Попробуй взять ее лаской». Вместо ожидаемого наказания я получила вкусную отрубную похлебку, и Джемс подвязанной рукой приласкал меня. С тех пор я никогда не хотела причинить ему ни малейшего вреда.

Мне было от души жаль Джинджер, но я был тогда еще так неопытен в жизни, что не совсем поверил ее рассказу: мне казалось, что она преувеличила многое.

Время шло между тем, и я стал замечать большую перемену в Джинджер. Вместо прежнего злого, недоверчивого взгляда у нее явилось доброе, веселое выражение. Я раз слышал, как Джемс сказал:

– Право, кажется, Джинджер стала ко мне привязываться. Сегодня утром, когда я чистил ее, она даже весело заржала.

– Да, да, Джемс, – отвечал Джон. – Бертвикское лекарство действует на Джинджер. Смотри, она со временем станет такой же смирной лошастью, как Черный Красавчик. Ласковое обращение – вот все, что требовалось.

Хозяин заметил перемену в Джинджер. Вернувшись как-то с прогулки в экипаже, он подошел к нам, как всегда, и, погладив прекрасную шею Джинджер, сказал:

– Ну что, моя прелесть? Как дела? Ведь ты здесь чувствуешь себя счастливее, чем прежде?

Джинджер доверчиво подняла морду к руке хозяина, который погладил ее.

– Мы исправим ее, Джон, – сказал он.

– Да, сударь, она и так очень исправилась. Ее узнать нельзя. Это все Бертвикское лекарство.

Джон весело засмеялся. Он всегда говорил, что хороший курс лечения в его конюшне может исправить самую злонравную лошадь. Лечение, по его словам, состояло из терпения, кротости и твердости с приправой ласки и разумного обращения.

IX. Резвушка

Господин Блумфильд часто присылал своих детей играть с нашими барышнями. У него были сыновья и дочери; одна из дочерей была одних лет с барышней Джесси, двое мальчиков были постарше, а остальные были малыши. Когда все они собирались у нас, Резвухе доставалось много работы, потому что все дети поочередно катались на ней верхом во фруктовом саду и по выгону.

Один раз Резвушка была очень долго занята с детьми. Когда наконец Джемс привел ее в конюшню, он сказал, надевая ей недоуздок:

– Смотри, шельма, води себя хорошо, а то попадем мы с тобой в беду!

– Что ты сделала, Резвушка? – спросил я.

– Ничего особенного, – отвечала она, мотнув головой. – Я немножко поучила ребят, когда они не хотели знать меры. Я сбросила их, вот и всё.

– Как! – воскликнул я. – Неужели ты сбросила кого-нибудь из наших барышень? Я не ожидал этого от тебя.

Резвушка посмотрела на меня с выражением большой обиды.

– Конечно, я этого не сделала! Я бы ни за что на свете не сделала такого дела. Я берегу наших барышень не меньше, чем их собственные родители; что касается маленьких детей, я их учу, как надо ездить верхом. Чуть я замечу, что они боятся и начинают нетвердо сидеть в седле, я не иду прежним шагом, а, можно сказать, стелюсь по земле, как кошка, подкрадывающаяся к птичке. Когда они успокоятся, я снова прибавляю шаг. Нет, не трудись читать мне нравов-учения. У этих детей нет лучшего друга, чем я, и лучшего учителя верховой езды. Сегодня я расправилась с мальчиками господина Блумфильда. Мальчики совсем другое дело. – Резвушка встряхнула головой. – Мальчиков надо бы учить с детства, как учат нас, жеребят. Я уже более двух часов возила детей, когда мальчикам тоже вздумалось покататься. Я ничего не имела против такого желания и с добрый час катала их рысью и галопом по саду. Каждый из них сделал себе длинную палку вместо хлыста и щедро угощал меня этой палкой. Сперва я всё терпела, но когда мне показалось, что довольно их ублажать, я начала с того, что остановилась раз, потом другой раз, надеясь, что они поймут мой намек. Мальчики, видно, думают, что лошадь не живое существо, а паровая машина, которую можно заставлять двигаться сколько угодно. Им и в ум не приходит, что животное может устать, что оно чувствует так же, как человек. Итак, видя, что мальчуган, хлеставший меня, ничего не понимает, я взяла да и стала потихоньку на дыбы, так, чтобы он скатился на траву. Он влез опять мне на спину; я повторила свою уловку; тогда другой мальчик сел на меня верхом и принялся хлестать. С ним я поступила так же, как и с его братом. Наконец они поняли, что ничего со мной не поделаешь. Они не дурные ребята, я этого не скажу, но их надо было проучить. Когда они привели меня к Джемсу и рассказали ему, что случилось, мне кажется, Джемс очень рассердился, увидав их палки. Он сказал, что только ломовые извозчики или цыгане ездят с такими палками, а не приличные мальчики.

– Я бы на твоём месте хорошенько брыкнула их, – заметила Джинджер. – Тогда бы они поумнели.

– Конечно, ты бы это сделала, – возразила Резвушка, – но я не так глупа, извини, пожалуйста, чтобы сердить нашего хозяина и осрамить Джемса. Ведь детей мне доверили. Я сама слышала, как хозяин недавно сказал госпоже Блумфильд: «Вы можете быть совершенно спокойны насчет детей. Моя Резвушка позаботится о них не хуже вас самих или меня. Я ни за какие деньги не продам эту лошадку. На нее можно вполне положиться». Неужели ты считаешь меня за такую неблагодарную тварь, что я забуду всю ласку, полученную мною здесь за пять лет жизни? Неужели я вдруг сделаюсь норовистой лошадкой из-за того, что пара глупых мальчишек нехорошо со мной обращались? Нет, это невозможно. Ты, видно, не знала хорошего

места, и я очень жалею тебя. Всякая лошадь становится хорошей на хорошем месте. Я ни за что не огорчу хозяев, потому что я люблю их всей душой.

Резвушка заржала при этом так, как она ржала по утрам, слышав шаги Джемса.

– К тому же, – продолжала она, – какой был бы толк в том, если б я принялась брыкаться? Меня продали бы поскорее, чтобы избавиться от меня. И что бы случилось тогда со мной? Пожалуй, я попала бы в руки какому-нибудь молодцу из мясной лавки или стала бы до истощения сил возить на морском купанье катальщиков, которым до меня не было бы никакого дела. Я видала таких господ, выезжающих на чужой, нанятой лошади по воскресным дням: четверо рослых мужчин сядут в кабриолет, заложенный одной лошадкой, и погоняют ее, не думая о ее силах. Сохрани меня Бог от такого несчастья!

Х. Разговор во фруктовом саду

Мы с Джинджер по своему среднему росту не были настоящими каретными лошадьми, но наш хозяин не держал лошадей для щеголяния в лондонских парках, а потому любил больше таких лошадей, которые годятся и в упряжь, и под верх. Он всегда говорил, что ему не нравятся ни люди, ни лошади, приспособленные только к одному делу. Что касается нас самих, мы испытывали особенное удовольствие, когда нас седлали всех для большого общества. Хозяин ездил на Джинджер, хозяйка – на мне, а барышни – на Оливере и на Резвухе.

Нам было очень весело идти дружной рысью или вместе скакать. На мою долю приходилась самая приятная наездница; она была легка как перышко, и рука у нее была такая же легкая. Я слушался ее узды незаметно для себя самого. Да, как бы хорошо было, если б люди поняли, что лучшее средство сохранить мягкость лошади – это не дергать ее поминутно! У нас очень нежный рот, и, если его не испортили грубым обращением, мы чувствуем малейшее движение руки ездока. Меня ничем не портили, вот почему хозяйка предпочитала меня Джинджер, несмотря на ее хороший ход. Джинджер часто сердилась за это и всегда жаловалась на то, что грубые лошадики испортили ее рот. Оливер, старый опытный конь, утешал Джинджер:

– Пустяки, – говорил он, – не тревожь себя понапрасну; ты должна гордиться тем, что можешь возить такого важного наездника, как хозяин. Нечего роптать и жаловаться, если люди ласковы с нами. Надо быть довольным.

Я часто дивился короткому хвосту Оливера, и раз как-то, в праздничный день, когда мы щипали траву во фруктовом саду, я решил спросить его, вследствие какого несчастного случая он потерял хвост.

– Никакого не было несчастного случая, – недовольно отвечал Оливер. – Надо мной совершили постыдное, жестокое злодеяние. Меня жеребенком отвели туда, где производят эти жестокие операции. Меня связали и привязали так, что я не мог шевельнуться; тогда пришли злодеи и отрезали мой чудный, длинный хвост.

– Как ужасно! – воскликнул я.

– Да, трудно представить что-либо бесчеловечнее. Во-первых, сколько я выстрадал боли и мучения во время операции, – ведь прорезали мясо и кость, – потом как долго я не мог поправиться; но хуже всего то, что меня на всю жизнь сделали калекой, – я говорю о моей беспомощности относительно злых слепней! Все лошади, не думая, взмахивают хвостами и сгоняют докучливых врагов. А тут... Ты не можешь себе представить, какое мучение, когда мухи вонзаются в тело и ты не можешь их прогнать! Этого зла ничем нельзя поправить. Слава богу, что теперь больше не режут лошадиных хвостов.

– Зачем же это прежде делали? – спросила Джинджер.

– Для моды! – отвечала старая лошадь, топнув ногой. – Понимаешь ли ты это глупое слово? Тогда считалось, что породистая, господская лошадь должна непременно иметь короткий хвост. Точно Бог, сотворивший нас, не знал лучше людей, что именно нам надо.

– Верно, ради моды же вздергивают двойными мундштуками наши головы, – заметила Джинджер.

– Конечно да! – сказал Оливер. – По-моему, нет хуже зла на свете, как то, что люди называют модой. Посмотри на собак: что они с ними делают? Обрезают хвосты и уши, чтобы придать им задорный вид. У меня была одна дорогая приятельница из породы такс. Звали ее Скай; она выбрала себе место в моем стойле, подле яслей, и тут у нее жила семья премиленьких щенят. Никого из них не утопили, когда они родились, потому что они были породистые. Как мать любила их! Весело было смотреть на них, когда они стали видеть и ползали около матери. Но вот раз пришел один человек и унес всех щенят. Я подумал, что их унесли от меня, чтобы я их не ушиб нечаянно, но вышло совсем не то. Вечером бедная мать принесла их по одному

назад, только это уже не были прежние веселые щенки; я увидел несчастных окровавленных зверьков, которые жалобно пищали. Всем им отрезали по кусочку хвоста и мягкий пушок, окаймлявший уши. Мать неустанно лизала их и казалась страшно огорченной. Я забыть не могу этой грустной картины.

Со временем щенки выздоровели, но пушок исчез навсегда с ушей, а ведь его назначение, верно, состоит в том, чтобы защищать нежные уши от пыли и повреждений. Почему люди не обрезают ушей своим собственным детям? Если б они делали им острые уши, как собакам, может быть, у них тоже получался бы задорный вид? Какое право имеет человек мучить и уродовать божьи творения?

Оливер произнес свою речь с большой горячностью. Для меня все это были неслыханные и ужасные вещи; я почувствовал недоброе чувство к людям, которых до сих пор любил. Джинджер, конечно, очень вспыхнула при рассказе Оливера. Она объявила, что люди – звери и вдобавок дураки.

– Кто говорит такие нехорошие слова? – спросила Резвушка, подходя к нам. Она только что перед этим терлась о нижнюю ветку яблони.

– Для дурных дел есть и дурные слова, – сказала Джинджер, передав Резвухе то, что нам сейчас рассказал Оливер.

– К сожалению, все это правда, – грустно заметила Резвушка. – Я сама не раз видала подобное. Но зачем говорить о злых делах здесь, где все доброе, начиная с нашего хозяина и кончая Джемсом? С нашей стороны было бы неблагодарно дурно говорить о людях.

Эта мудрая речь успокоила нас всех, особенно же Оливера, который был глубоко привязан к хозяину. Чтобы переменить разговор, я спросил:

– Не может ли кто-нибудь объяснить мне пользу наглазников?

– Нет, – отвечал Оливер, – потому что в них нет никакой пользы.

– Думают, что наглазники мешают пугливой лошади пугаться и наделать вследствие испуга каких-нибудь бед, – спокойно сказал Судья.

– Тогда зачем же не надевают наглазников на верховых лошадей, особенно на дамских? – спросил я.

– Без всякой причины, – отвечал Судья. – Мода такая, больше ничего. Уверяют, будто лошадь без наглазников, видя так близко за собою колеса экипажа, непременно понесла бы; но на это можно возразить, что и верховая лошадь на каждом шагу видит близко от себя колеса на людных улицах. Мы привыкаем к ним и, конечно, без всяких наглазников не стали бы пугаться и нести. Напротив, без наглазников лошадь лучше видела бы и пугалась бы гораздо меньше, чем видя только части предметов.

Я ничего в этом не понимал и не мог выразить никакого мнения.

– Я думаю, – сказал Оливер, – что наглазники ночью – преопасная вещь. Лошадь видит ночью лучше человека, и, если б ей давали возможность смотреть свободными глазами, многих несчастий не случилось бы с людьми при езде. Несколько лет тому назад катафалк возвращался поздно вечером; проезжая по дороге мимо фермы Спаро, где пруд подходит к самому краю дороги, колеса скользнули в воду; дроги повалились, лошади утонули, и возница спасся с большим трудом. После этого пруд огородили высокой белой решеткой во избежание подобного случая, но я думаю, что его бы не надо было и огораживать, если б лошади были без наглазников. Они бы сами тогда держались подальше от берега. Незадолго до твоего прихода сюда карета хозяина опрокинулась. Тогда говорили, что, если б фонарь не потух, Джон увидел бы яму, и карета не попала бы в нее, а я думаю, что если б лошади были без наглазников, они бы и в темноте обошли яму. Между тем вышло то, что и лошадям переломали ноги, и Джон только каким-то чудом не убится.

– Я вот что думаю, – заметила с раздутыми ноздрями Джинджер, – эти люди, которые считают себя такими мудрецами, должны бы издать приказ, чтобы жеребята все родились с

глазами ровно посреди лба, а не сбоку. Люди воображают, что они могут совершенствовать природу.

Разговор снова обострился. В эту минуту Резвушка подняла свою лукавую мордочку и сказала:

– Я знаю один секрет: Джон не одобряет наглазников. Я слышала его разговор с хозяином по этому поводу. Хозяин говорил, что опасно отучать лошадь, с малолетства привыкшую к наглазникам, а Джон отвечал ему, что, по его мнению, лучше было бы воспитывать жеребят без наглазников, как это делается во многих других странах. Итак, нечего нам беспокоиться на этот счет. Знаете что? Во фруктовом саду валяется много вкусных яблок, сдутых ветром. Хорошо бы нам полакомиться ими!

Нельзя было возражать на это предложение. Скоро мы все опять развеселились, жуя сладкие яблоки, разбросанные в траве.

XI. Откровенная речь

Чем дольше я жил в Бертвикском парке, тем более я гордился своим местом. Наших господ уважали все люди, живущие в округе. Они были добры со всеми – с человеком и зверем одинаково. Не было ни одного существа на свете, которое не нашло бы у них защиты против обидчика. Если кто-нибудь из деревенских мальчиков дурно обращался с животным, слух об этом тотчас доходил до господской усадьбы, и доставалось тогда провинившемуся! И чужим людям приходилось иметь дело с нашим хозяином, когда он видел какую-нибудь жестокость по отношению к зверю.

Однажды хозяин верхом на мне возвращался домой. Навстречу нам ехал высокий, сильный мужчина в кабриолете, заложенном небольшой, прелестной гнедой лошадкой, с тонкими ногами и породистой головкой. Подъезжая к воротам нашего парка, лошадка хотела повернуть к ним. Мужчина, ничего не говоря, так грубо дернул узду, чтобы повернуть ее, что она чуть не упала. Оправившись, лошадь собиралась бежать дальше, но человек не унимался: он крепко держал узду, вздернув голову бедного животного, и свирепо хлестал ее изо всех сил. Лошадь хотела дернуть вперед, но сильная рука не давала ей ходу, разрывая ее рот мундштуком. Мне было страшно смотреть на эту картину: я знал хорошо, какое это мучение для нежного рта.

– Послушайте, Сойер, – строго крикнул наш хозяин, – разве лошадь ваша не живая, что вы с ней так обращаетесь?

– Не только живая, но и норовистая, – отвечал мужчина. – Она слишком любит волю, а я этого не люблю.

По его голосу было слышно, что он взбешен на свою лошадь.

– Неужели вы думаете, что животное станет послушнее от такого обращения? – спросил хозяин.

– Ей нечего было заворачивать к воротам, перед ней была прямая дорога, – возразил Сойер грубым голосом.

– Вы часто приезжали ко мне на этой лошади, – продолжал хозяин. – Она помнит это и хотела предупредить ваше желание. Но не в этом дело. Признаюсь, Сойер, я в жизни моей не имел несчастья видеть когда-нибудь, чтобы кто-нибудь обращался с лошастью так жестоко, как вы. Отдаваясь вспыльчивости, вы приносите вред себе самому гораздо больший, нежели лошади. Помните, что мы будем отвечать за каждый поступок наш с человеком ли, со зверем ли – все равно!

Потом мы шагом поехали домой. Я слышал по голосу хозяина, как его огорчило только что случившееся происшествие.

Он одинаково свободно выражал свои мнения всем людям. Вскоре после случая с фермером Сойером мы набрели во время утренней прогулки на капитана Ланглея, хорошего знакомого нашего хозяина. Он ехал на паре чудных серых в фаэтоне. Поговорив о том о сем, капитан спросил у хозяина:

– Как вам нравятся мои новые лошади, ведь вы знаток?

Хозяин попятил меня немного назад, чтобы лучше осмотреть упряжь Ланглея.

– Необыкновенно красивая пара, – сказал он. – Если они и нравом так же хороши, то нечего желать лучшего. Но как жаль, что вы употребляете, я вижу, мундштучную узду! Ведь это только ослабляет силу лошади и мучает ее.

– Знаю, знаю, – отвечал Лангей, – у вас решительное предубеждение против мундштука. Только, видите ли, мне нельзя иначе ездить – я люблю, чтобы лошадь высоко держала голову.

– Я тоже, – сказал мой хозяин, – но я не люблю, когда им насильно поднимают головы. Вот вы военный, и, конечно, вам приятно видеть свой полк в парадном строю, но что бы вы сказали, если б вашим солдатам привязали доски за спины для прямизны стана? Ужасно тяжело

бывает лошадям, изуродованным мундштуками: если бы они были свободно взнузданы, они налегали бы изо всей силы на узду, и рот у них участвовал бы в труде вытягивания экипажа. Вместо этого, когда рот лошади испорчен мундштуком, ей приходится работать одними мускулами, и, конечно, она гораздо скорее устает. Поверьте мне, что лошади назначено ходить свободно, так же как и человеку. Мы много выиграли бы, если б жили по здравому смыслу, а не по моде. Кроме всего, что я сказал, надо еще заметить, что строго взнузданная лошадь гораздо беспомощнее, если ей случится споткнуться. Однако будет... я изрядно проехался на любимом коньке, не хотите ли и вы, капитан, оседлать его для себя? Ваш пример имел бы большое влияние.

– Я думаю, что вы, собственно, правы, – отвечал Ланглей, – я подумаю хорошенько о том, что вы сказали.

Мы разъехались каждый в свою сторону.

ХII. Бурный день

Случилось мне поздней осенью везти хозяина в легкой тележке довольно далеко, по делу. Джон правил. Я любил возить эту тележку – колеса так скоро и плавно катились по дороге. Последнее время шли частые дожди; в этот день дул сильный ветер, взрывавший кучи сухих листьев. Мы очень хорошо доехали до заставы подле низкого деревянного моста. Берега реки были высокие, а мост шел ровно, так что в большую воду его заливало посередине, но так как перила моста были крепкие, то люди не боялись проезжать здесь во всякую погоду. Сторож у заставы сказал, что вода сильно поднимается и что, пожалуй, переезд будет плохой к вечеру.

Низины по дороге были уже под водою, которая доходила мне до колен, но грунт был твердый, и я ступал без страха. Когда мы доехали до города, мне задали славного корма, но дела надолго задержали хозяина, и мы могли выехать обратно только поздно, уже к вечеру. Ветер усилился; хозяин сказал Джону, что ему еще не случалось ехать в такую бурю. Я то же самое подумал, двигаясь по опушке леса, где большие ветки раскачивались, как самые легкие веточки. Шум был ужасный.

– Хотелось бы мне скорее благополучно выбраться из этого леса, – сказал хозяин Джону.

– Да, сударь, не очень-то хорошо будет, если один из этих больших сучьев упадет на нас.

Только что он произнес эти слова, как послышался стон, треск и шум падающего дерева: дуб, вырвавшийся с корнем, давя деревья и кусты на пути, свалился на дорогу немного впереди нас. Не скажу, что я не испугался. Я остановился и, кажется, весь затрясся, но, конечно, мне не пришло в голову повернуть назад и понести – таких вещей со мной не случалось, я не так был воспитан.

– Вот близка-то была беда! – сказал хозяин. – Что ж нам теперь делать?

– Через дерево нельзя ехать, – сказал Джон, – и кругом негде его объехать. Придется вернуться к перекрестку. Миль шесть будет крюка до деревянного моста. Мы запоздаем домой, но лошадь не устала.

Итак, мы поехали назад; когда же мы доехали до деревянного моста, почти стемнело; можно было только разглядеть, что середина моста была под водою. Но то же самое случилось и раньше, поэтому хозяин не остановился и поехал на мост. Я бежал хорошей рысью, но чуть только ноги мои коснулись моста, как я почувствовал что-то неладное и встал как вкопанный.

– Вперед, Красавчик! – сказал хозяин и слегка тронул меня кнутом, но я не смел двинуться.

Тогда он ударил сильнее, я привскочил, но не пошел вперед.

– Знаете, сударь, – сказал Джон, – видно, что-нибудь да неладно.

Он выпрыгнул из тележки, подошел ко мне и посмотрел кругом. Он взял меня за уздцы и хотел провести, но я упирался.

– Да что с тобой, Красавчик? – спросил он.

Я не мог объяснить ему, что я чуял опасность на мосту.

В эту минуту на другой стороне показался сторож с фонарем. Он махал им как сумасшедший.

– Гей, гей! Послушайте! Остановитесь! – закричал он.

– Что случилось? – крикнул хозяин.

– Мост сломан посередине, часть его унесена; если вы поедете, будете в реке.

– Слава Богу! – сказал хозяин.

Джон взял меня за уздечку и повернул на дорогу, шедшую направо по берегу реки.

– Ай да Красавчик! – сказал он и потрепал меня по плечу.

Солнце село; буря, выворотившая дуб на дороге, стихла наконец. На дворе сумерки сгустились и делалось все тише. Я бежал потихоньку, и колеса тележки мягко, почти бесшумно катились по дороге.

Мы ехали некоторое время в полном молчании; потом хозяин заговорил с Джоном. Я не все понимал, о чем они говорили, но одно я понял: они предполагали, что, если б я послушался хозяина, мы все упали бы в реку и, верно, утонули бы, потому что дожди подняли воду и течение было сильное. Хозяин сказал, что Бог дал людям разум, которым они могут распознавать вещи, но звери получили чутье, инстинкт, дающий им возможность угадывать многое, и благодаря этому качеству им не раз удавалось спасать жизнь людям. Джон рассказал при этом много случаев из жизни лошадей и собак и сказал, что человек не довольно умеет ценить дружбу и расположение к себе зверей. Я подумал, что Джон-то уж во всяком случае заслужил вполне нашу дружбу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.